

МЕТРО.nsk: Владимир, ваш фильм о Юрии МОРОЗОВЕ произвел сильное впечатление на зрителей. Расскажите, почему именно этот человек стал главным героем вашей картины?

МОРОЗОВ — кумир моей юности, впервые я услышал его музыку в конце 70-х — начале 80-х годов. И для меня он был, есть и будет номером один в русской рок-музыке. Я в целом не понаслышке знаю русскую рок-музыку, но кроме Чижика мне до сих пор никто не показался близким. В 2001 году я впервые познакомился с МОРОЗОВЫМ. Как и все талантливые люди, он был талантлив во всем. Тогда он самостоятельно монтировал клипы, делал своеобразный монтаж собственных фотографий с музыкальной озвучкой. Мне это показалось очень интересным, и я захотел сделать фильм о нем. Почти четыре года у меня ушло на поиск средств. Естественно, в России все отказали, сказав одно — он нам неизвестен. Кто такой МОРОЗОВ? Никто его не знает. Он был очень популярен в 70-е — 80-е годы, и то подпольно. Но несмотря на все трудности фильм был сделан, причем в двух версиях — первую вы уже видели в рамках фестиваля «Встречи в Сибири», вторая — мой авторский вариант. В ней я уже подвожу зрителя к истории болезни и смерти моего героя.

МЕТРО.nsk: Этот фильм о музыканте, и, естественно, он очень музыкальный. А в вашей жизни какая роль отведена музыке?

Я ей постоянно питаюсь и живу. Это касается в первую очередь музыки МОРОЗОВА. На меня не производят впечатления даже старые кумиры вроде МАККАРПТИИ. Как сказал в новой версии фильма МОРОЗОВ: «Послушайте МАККАРПТИИ 2004 года — жирного, похабного МАККАРПТИИ, который разъезжает на лимузинах, — да какое отношение он имеет к рок-музыке?». Я раньше сам играл на гитаре, сочинял песни, все мечтал показать их МОРОЗОВУ. Не успел. Вообще все картины, которые я снимаю, музыкальные. Музыка — одно из главных действующих лиц.

МЕТРО.nsk: Для героя вашей картины Юрия МОРОЗОВА слава — понятие несущественное. Главное —

найти способ выразить свои мысли и чувства, быть понятым людьми, для которых ты все это делаешь. Вы разделяете его взгляды?

Ну, кто ж от славы откажется ... (смеется). Очень приятно и трогательно, когда тебя ждут. Но когда я делаю картину и тем более ее показываю, я очень переживаю, насколько она придется по душе зрителю. У меня после показа в Новосибирске два дня были головные боли — настолько я все сильно переживал. Я надеюсь, что картина будет понятна нашему зрителю. Это отчасти мой долг перед МОРОЗОВЫМ, который мне очень близок по духу.

Яуже не совсем русский человек, я мутант — видимо, что-то я усвоил от французов, что-то в меня проникло, словно радиация или рентгеновские лучи

МЕТРО.nsk: А какие темы в документальном кино вас больше интересуют?

Наверное, эмиграция в буквальном и фигулярном смысле слова. Скажем так, МОРОЗОВ был «внутренний» эмигрант, он жил в своей стране, будучи эмигрантом. Для него изменение строя ничего не значило: что было при «совке», что при перестройке, что при Путине — все было не его. Он, как идеалист, ждал «золотого века». И поэтому очень характерно, когда он говорит в конце картины, что не видит разницы между прошлым и настоящим. Многое изменилось, но он остался жить в своем мире.

МЕТРО.nsk: Владимир, вы эмигрировали из России и уже много лет живете во Франции. Как вас приняла чужая страна?

Моя Франция началась с театра. Адаптироваться мне было легко, потому что практически два года я жил у директора театра. В плане отношений с людьми сначала было сложно, поскольку оказывались различия в менталитете. Например, французы не понимают бескорыстных отношений. Нет, понятие дружбы у них есть, но стать другом не так-то просто. И даже если ты уже являешься другом семьи, ни в коем случае ты

не можешь прийти в гости без предупреждения, просто так, как это часто бывает у нас в России.

МЕТРО.nsk: А Франция повлияла на вас как на документалиста?

Вы знаете, директор одной из московских киностудий после просмотра моего фильма о МОРОЗОВЕ сказала: «Да, фильм сделан классно, в духе BBC!». И многие мне говорят, что картины мои сделаны по-западному. Может быть, это потому, что я уже мутант, не совсем русский человек — видимо, что-то я усвоил от французов, что-то в меня проникло, словно радиация или рентгеновские лучи. Я даже заметил, что в эмоциях стараюсь быть сдержаным — сердце-то есть, но оно скорее отражает тепло, чем принимает.

МЕТРО.nsk: Сегодня мы видим возрастающий интерес к документальному кино. Однако он не настолько велик, чтобы принести его создателям славу, подобную славе режиссеров игрового кино.

К сожалению, так во всем мире, и, к счастью, во Франции есть определенный канал, который регулярно показывает документальные фильмы. Еще один плюс — много фестивалей.

МЕТРО.nsk: Как документальное кино вошло в вашу жизнь? Это было неожиданным открытием или запланированной изначально целью?

Я работал почти пятнадцать лет на «Беларусьфильме» ассистентом режиссера. На моем счету около тридцати художественных фильмов и короткометражек. Одна из самых крупных картин — «Иди, смотри», фильм, получивший Гран-при на Московском кинофестивале 1985 года. Потом я уехал во Францию. Я всегда хотел делать кино, всю жизнь. После армии четыре раза поступал во ВГИК. На разных этапах меня срезали, причем ради этого я бросил два престижных в то время факультета Минского государственного университета — физики и электроники, а позже — журналистики. И вот с 1992 года работал во Франции техническим режиссером в одном из театров, параллельно играя на сцене небольшие роли. А в 2002 году выиграл стажировку на написание сценария и режиссуру документального кино. Сделал первый 20-минутный документальный фильм о священнике, эмигранте первой волны отце